

делались последние приготовления к движению, их попросили уйти к себе домой спать. Дантон так и сделал; как видно из дневника жены Демулена, Люсили, Дантон провел до часа ночи в своей секции, а затем спал всю ночь.

На сцену выступили теперь при назначении секциями нового Генерального совета Коммуны, т. е. революционной Коммуны десятого августа, новые люди, все «неизвестные». Каждая секция, становясь сама для себя законом, избрала «для спасения отечества» своих трех комиссаров, причем выбор народа пал, как рассказывают нам историки, исключительно на людей никому не известных. В числе их был Эбер, но не было вначале даже ни Марата, ни Дантона¹.

Таким образом возникла из недр народа и взяла на себя руководство движением новая Коммуна - революционная Коммуна. И мы увидим, какое могущественное влияние оказала она на весь последующий ход событий, как она господствовала над Конвентом и толкала на революционное дело членов Горы, чтобы упрочить по крайней мере те завоевания, которые уже сделаны были революцией.

Подробно рассказывать о событиях 10 августа было бы излишне. Драматическая сторона революции лучше всего рассказана у историков, и мы находим у Мишле и Луи Блана превосходные описания событий. Я ограничусь поэтому тем, что напомним лишь главные из них.

С тех пор как город Марсель решительно высказался за низложение короля, петиции и адреса в пользу низложения стали поступать в Собрание из разных мест. В Париже 42 секции высказались в том же смысле. 4 августа Петион, мэр Парижа, даже явился в Собрание, чтобы выразить желание секций.

Что касается до политических деятелей Национального собрания, то они, по-видимому, не отдавали себе отчета в серьезном положении дел и в то время, как в письмах из Парижа (госпожи Жюльен) от 7 и 8 августа мы читаем: «На горизонте собирается страшная гроза», «горизонт теперь насыщен парами, от которых должен произойти страшный взрыв». Собрание в ночном заседании оправдало Лафайета, которого некоторые члены хотели осудить за его письмо, точно никакого взрыва негодования против королевской власти вовсе не было.

Парижский народ тем временем готовился к решительной битве. У революционных комитетов хватило, однако, достаточно здравого смысла, чтобы не назначать восстания на определенный день. Они только зорко наблюдали за изменчивым состоянием умов, старались поднять настроение и поджидали момент, когда можно будет обратиться с призывом к оружию. Была, по-видимому, попытка вызвать движение 26 июля, для чего был устроен банкет на развалинах Бастилии, в котором приняло участие все население предместья, принесшее свои столы и свою провизию². В другой раз попробовали поднять народ 30 июля, но и это тоже не удалось.

Приготовления к восстанию, в которых «водители общественного мнения» участвовали очень мало, могли бы еще затянуться, если бы дворцовые заговорщики сами не ускорили событий. Роялисты рассчитывали на помощь придворных, клявшихся умереть за короля, на несколько батальонов национальной гвардии, оставшихся верными двору, и на швейцарцев, державших караулы во дворце. Они были уверены в победе. Для своего государственного переворота они избрали день 10 августа. «Это был день, назначенный для контрреволюции, - читаем мы в письмах того времени, - на другой день во всей Франции якобинцы должны были оказаться потопленными в своей собственной крови».

Секции это узнали, и тогда в ночь с 9-го на 10-е, в полночь, в Париже ударили в набат. Сначала набат как будто не произвел нужного действия, и в Коммуне стали даже поговаривать, не отложить ли восстание. В семь часов утра некоторые кварталы были еще совершенно спокойны. На самом же деле парижский народ с его удивительным революционным чутьем, вероятно, не решался начать в темноте битву с королевскими войсками, так как она могла кончиться паникой и поражением.

Тем временем ночью революционная Коммуна (т. е. новый, революционный Совет Коммуны) вступила во владение городской ратушей. Она явилась в ратушу, сменила прежний, «законный» Совет Коммуны, который уступил свое место новой революционной силе, и тотчас же придала всему движению новую энергию.

---

¹ «Сколько величия было в этом собрании! — пишет Шометт. — Какие высокие порывы патриотизма видел я, когда обсуждали вопрос о низложении короля! Что такое было Национальное собрание с его мелкими страстями... мелкими мерами, с его декретами, задержанными на полдороге, а затем и совсем убитыми посредством veto, в сравнении с этим собранием комиссаров парижских секций» (Memoires de Chaumette, p. 44).

² Ternaux L. — M. Histoire de la Terreur. 1792–1794, v. 1–8. Paris, 1862–1881, v. 2, p. 130.